

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

О.Г. Зевина,

*руководитель Департамента качественных исследований
Центра политических технологий;*

Б.И. Макаренко,

председатель Правления Центра политических технологий.

В статье представлены основные результаты качественного социологического исследования, проведенного в августе 2008 г. - январе 2009 г. Центром политических технологий в рамках проекта "Российская политическая культура", финансируемого грантом автономной некоммерческой организации "Институт общественного проектирования". В работе принимали участие сотрудники Центра политических технологий И.М.Бунин, А.В.Макаркин, модераторами фокус-групп выступали О.Г.Зевина, В.В.Делинская, И.В.Маркова.

Ключевые слова: *политическая культура, субкультуры, политические партии, электораты, ценности, либерализм, патриотизм.*

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СТРАТИФИКАЦИЯ ОБЩЕСТВА

Понятие политической культуры — ключевое для изучения процессов политического развития. *Политическая культура* общества и составляющие ее различные субкультуры — *группы людей, разделяющие особый, отличный от общего набор ценностей, установок и практик политического и общественно го поведения* — определяют характер и темпы развития общества. Такой подход в мировой политической науке сформировался в 50-60 годах прошлого века. В его формулирование внесли свой вклад и социологи, и политологи, и антропологи (одному из них — американскому ученому Люшиану Паю при надлежит, пожалуй, самое четкое определение политической культуры как *суммы фундаментальных ценностей, чувств и знаний, которые придают и форму, и содержание политическому процессу* [Pye 1965: 3-26]).

Американский социолог Карл Дойч впервые описал процессы социальной мобилизации модернизирующегося общества с использованием количественных методов, показав, как факторы политической культуры (образование, уровень грамотности и урбанизации) влияют на распространение современных практик в культуре, технологии и экономической деятельности и, соответственно, — на успех модернизационных процессов. Вывод Дойча — "главное — не структурные изменения в экономике, а изменения в системе ценностей" [Deutsch 1961: 493-514].

Этот вывод был развит в классической работе Г.Алмонда и С.Вербы "Гражданская культура", в которой дано развернутое определение обеих составляющих понятия "политическая культура". "Политической" она именуется потому, что "относится исключительно к политическим ориентациям — отношениям к политической системе и ее различным составляющим, и отношениям к собственной роли индивидуума в этой системе"; термин "культура" в ней подразумевает не весь широкий спектр смыслов, который он несет, но один конкретный смысл — "психологические ориентации по отношению к общественным объектам". "Ориентации" у Алмонда и Вербы — это сочетание *когнитивного* (знание и убеждения по поводу политической системы), *аффективного* (чувств и эмоций по ее поводу) и *оценочного* (суждений и мнений, которые основываются на ценностях) [Almond, Verba 1965: 12-14].

Соответственно, Алмонд и Верба выделяли три типа политической культуры: "приходскую" (*parochial* — подчеркнем, "приход" в английском языке в данном случае имеет смысл узости горизонта политического мышления, а не религиозности), "подданническую" (*subject*) и "активистскую" (*participant*) культуру¹. Для рассмотрения российского контекста политической культуры важно обратить внимание на то, как авторы определяют главное отличие "подданнической культуры". Оно состоит в развитых ориентациях граждан по поводу результатов действия ("выхода", *output*) политической системы, т.е. *действий централизованной власти* при практически нулевых ориентациях по поводу собственного вклада

¹ В отечественных переводах принят термин "культура участия" или "участническая культура". Представляется, что буквалистский перевод не передает сущности термина: "участие" в русском языке — многозначное понятие, и только специалисты осознают, что речь идет об активном участии граждан в политической жизни общества. В нашем варианте перевода мы отталкиваемся от ключевой характеристики этой культуры самими авторами как "ориентации на собственную активистскую роль в политике" [Almond, Verba 1965: 18].

("входа", *input*) в систему, т.е. результативного *фор мулирования требований к власти и личного участия индивидуума в этом процессе*. Соответственно, в "активистской культуре" индивид имеет ориентации, в равной степени относящиеся как к "выходу", так и "входу" в систему (этот кон цептуальный язык авторы заимствуют у Т. Парсонса) [Parsons, Shils 1951:53ff]. В каждой национальной политической культуре, по Алмонду и Вербе, присутствуют элементы всех трех видов культуры, и ее общий характер определяется соотношением и распределением ролей между ними [ibid.: 16-19].

Роль факторов политической культуры в процессах становления и видоизменения политического порядка описывал и С.Хантингтон, рассмотрев, в частности, различные сценарии корреляции между становлением институтов современного государства и развитием форм политического участия граждан [Хантингтон 2004]. Наиболее цельное продолжение этой исследовательской традиции можно найти у Ч.Тилли [Тилли 2007].

Проблема политической культуры разрабатывалась теоретически как сторонниками структурно-функционалистского метода, так и представителями других подходов. Однако при всей множественности концепций политической культуры эта теория, по общему признанию политологов, долгое время не могла выйти за пределы исходных "эвристических" определений. Американский политолог У.Розенбаум назвал такие теории "загадкой сфинкса" [Rosenbaum 1975], а М.Дюверже вообще сомневался в рациональности понятия политической культуры, которое, с его точки зрения, полностью перебивается более емким понятием социальной культуры [Deverger 1973].

В изучении политической культуры большую роль играет анализ состава влияющих ее субкультур. Среди прикладных исследований политической культуры наибольший интерес представляют попытки обобщенной характеристики национальных образцов политической культуры отдельных стран. Наиболее значительные из такого рода исследований, которые были осуществлены в США и Западной Европе в 1970-е годы, - это труд Д.Элазара о политической культуре США, а также труды об отечественных политических культурах западных немцев социологов М.Грайфенхагена и С.Грайфенхагена [Greiffenhagen, Greiffenhagen 1979], испанских - А.Лопес Пина и Э.Л.Арангурена, ирландских - Дж.Рэйвена и С.Т.Уилэна, французских - Дж.Мишеля и М.Симона [Michelat, Simon 1977]. Методологические аспекты подобных исследований рассмотрены в работе английского политолога Д. Каванаха [Kavanagh 1972].

В теории общественной (*consociational*) демократии [Лейпхарт 1997] американский ученый А.Лейпхарт показал, как взаимодействие субкультур в многогосударственных обществах - *лагерей* (*Lager*) в Австрии, *духовных семей* (*families spirituelles*) - в Бельгии, *столпов* (*Zuilen*) в Нидерландах - влияет на политический процесс, и сформулировал ряд общих закономерностей. В частности, способствующим политической стабильности и демократии в его теории выступают такие факторы как "частичное пересечение" (несовпадение различных факторов, являющихся водоразделами), низкая степень антагонистичности субкультур, установка их лидеров на сотрудничество и т.п.

В Советском Союзе изучение собственной политической культуры в понимании современной политической науки не проводилось. Представление об этой проблеме просвещенный советский читатель мог получить разве что из монографий, посвященных политической культуре в странах Запада, и то ее приходилось прятать под "камуфлирующими" названиями. Так, сборник "Рабочий класс в странах Западной Европы. К изучению социальных основ политического поведения" [Рабочий класс... 1982] на самом деле содержал концептуальные статьи своего научного редактора А. А. Галкина и главы по политической культуре Италии, Франции и Великобритании. А монография А.М.Салмина на самом деле блестяще продолжила упоминавшееся выше исследование Мишеля и Симона по политической культуре Франции [Салмин 1984].

В России целых и фундаментальных исследований политической культуры и субкультур также не проводилось, общественные интересы слабо структурировались по главной оси - отношениям собственности, а этнонациональные, конфессиональные и региональные факторы (главные "водоразделы" в субкультурах большинства зарубежных стран), важные сами по себе, не сыграли системообразующей роли в новом структурировании российского общества².

В упомянутых работах предпринимаются попытки (как правило, на основе количественных социологических исследований) классификации идейно-политических сегментов в российском обществе. Каждая из таких попыток интересна и достойна внимания, однако очевидно, что в столь слабо структурированном обществе, тем более недавно пережившем радикальное переопределение всей системы ценностей и ориентации, четкая классификация попросту невозможна. "Правое" и "левое" в России не соответствуют своим конвенциональным характеристикам: "левые" оказываются консерваторами, поскольку консервативная апелляция к традициям "тянет" за собой имперско-государственный образ Советского Союза; "правыми" бесосновательно называют "яблочников", которые по всем программным основаниям являются социал-либералами, а другой отряд "правых" - СПС и его преемник "Правое дело" — действительно правые по экономической платформе, но

² Можно, однако, упомянуть исследование региональных особенностей российской культуры [Туровский 1996; его же 1998], а также работы социологов, например, Л.Вызова (раздел "Идеологии" в сборнике [Путеводитель...2007] или работу [Кутковец, Клямкин 1997]).

не апеллируют к традиции, религии, моральным ценностям, зато выступают за демократизацию и права человека. Более чем условны и другие определения, используемые в таких классификациях: "центристы", сторонники "особого пути", "левых идей" и т.п.

ОПИСАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ОБОСНОВАНИЕ МЕТОДИКИ

Гипотеза исследования заключалась в наличии в российском обществе пяти относительно автономных политических субкультур; в качестве исходного допущения для отбора респондентов предполагалось, что каждой субкультуре соответствует электоральная группа (по состоянию партийного пространства на середину 2008 г.) сторонников определенных партий:

1. "либералы" - "Яблока", СПС ("Правого дела") и "Гражданской силы";
2. "патриоты" - ЛДПР;
3. "патерналисты" - "Справедливой России", "Патриотов России", Партии социальной справедливости;
4. "лоялисты" - "Единой России";
5. "советские традиционалисты" - КПРФ и Аграрной партии.

Исследование проводилось с использованием метода фокус-групп, который позволяет рассмотреть мотивацию граждан, определяющую структуру и характер общественно-политических установок. Всего была проведена 31 фокус-группа в 5 регионах (Красноярский край, Свердловская, Нижегородская, Ростовская области и г. Москва); в каждом регионе, кроме Москвы, группы проводились в столице региона, малом городе и на селе. При отборе участников соблюдались следующие критерии: принадлежность к партии или устойчивое голосование за данную партию, возраст, пол и образование. В исследовании выявлялись особенности самовосприятия субкультур (отношение каждой субкультуры к основным политическим ценностям, иерархия и значимость ценностей) и взаимовосприятия (оценка значимости ценностей для других, оценка "дистанции" между субкультурами).

Попытка анализа субкультур на основании качественного социологического исследования основана на сути понятия "субкультура" — выделении главной черты, которая отличает какой-либо сегмент общества от общей совокупности. Такая методика не исключает, что сама по себе подвыборка (в данном случае - конкретная субкультура) негетерогенна и внутренне противоречива, однако именно эта главная черта является наиболее сильным мотивом в политическом (а порой и шире - общественном) поведении большинства людей, принадлежащих к данной субкультуре.

Валидность такого подхода подтверждается опубликованным уже после проведения полевой фазы нашей работы исследованием ВЦИОМ "Кризис и идейно-политические взгляды россиян: левый поворот или объединение вокруг власти?" [ВЦИОМ 2009]. Исследование позволяет сделать следующие выводы:

- Только у сторонников КПРФ прослеживается отчетливая и гомогенная идейно-политическая ориентация: 83% из них ассоциируют себя с коммунистической идеологией, т.е. в данном случае мы имеем дело с устойчивой (хотя и уменьшающейся в размерах) политической субкультурой. Казалось бы, они должны быть "государственниками", но таковых среди коммунистических избирателей только 3% — следовательно, нынешнее российское государство не ассоциируется с их представлением о том, каким государство должно быть.

- У сторонников "Единой России" выделяются две мотивации, связанные с "сильным государством": 23% хотят видеть такое государство, в первую очередь, "социально ориентированным", а еще 20% — "рыночным"; все это 43% электората партии, т.е. главный мотив политического поведения для таких людей — вера в "благотворительность государства" (в англоязычной политической науке — *benevolent state*), с которой сочетается установка либо на экономический либерализм, либо на патернализм. Почти четверть (23%) избирателей "Единой России" заявляет, что "не интересуется политикой", однако их голосование за "партию власти" показывает, что они также склонны доверять "благим намерениям" государства.

- В электорате ЛДПР преобладают также две позиции — "сильное и рыночное государство" (22%) и национализм (18%). Не интересующихся политикой в нем также достаточно много — 20%. И так, сторонники этой партии также "государственники", но они не голосуют за "партию власти" и (единственные!) имеют выраженные националистические воззрения.

- Ключевая установка электората "Справедливой России" — "сильное социальное государство" (33%); ничего "левого", ни коммунистического, ни (чего следовало бы ожидать) социал-демократического у них почти нет — эти позиции отмечает всего по 4%, а на втором месте с 11% среди мотиваций оказывается "православие и дореволюционная традиция". Иначе говоря, от "единороссов" их отличает (помимо важного вопроса об отношении к власти) меньшая ориентированность на рынок и большая приверженность консервативной традиции, но вместе с тем "левизна" для них — скорее прагматическая патерналистская установка, чем идеологическая ценность.

- Для репрезентативной оценки мотиваций либеральных партий слиш ком мала подвыборка, отметим только склонность их сторонников симпатизировать "правозащитникам и демократам, выступающим против угрозы диктатуры и произвола со стороны государства" (13%).

Предложенный нами метод стратификации субкультур далек от идеала. Ни "патерналисты", ни "либералы" явно не укладываются в "прокрустово ложе" суб культур, определенных через электораты партий. Однако заметим, что стратификация чисто по идейным установкам дала бы не менее спорный результат: при шлось бы искать ответы на вопрос, почему либералы или патерналисты голосуют за разные партии. Добавим, что и определять "патернализм", "либерализм" или "патриотизм" трудно даже в количественном исследовании: многочисленные попытки сделать это выявляли объективные противоречия, например, между экономическими и общественно-политическими установками респондентов, а в качественном исследовании эта проблема представляется практически не решаемой.

Партийный подход был избран нами по одному основанию, кажущемуся нам весомым: если мы изучаем прежде всего *политическую* составляющую общественной культуры, то фактор выбора партии — т.е. политического участия граждан в наиболее массовой и четко определяемой форме — становится осевым. Этот подход позволяет "привязать" главный критерий формирования выборки именно к политическому поведению — что соответствует духу определения политической культуры по Алмонду и Вербе и, как показано ниже, выявить мотив (или набор мотивов), обуславливающих электоральный выбор респондентов.

Данный подход не претендует на полноту описания существующих в России политических субкультур. Вне поля зрения настоящего исследования оказываются субкультуры этнических регионов и народов России, в которых неизбежно проявилась бы специфика, связанная с этническими, конфессиональными, географическими и другими факторами. Нашей задачей было описать *общероссийские* типы политических субкультур на базе выборки, репрезентативной по социально-демографическим и главным (но далеко не всем) региональным параметрам.

В обобщенном виде характеристики воззрений представителей различных субкультур представлены в **Приложении 1**.

Общее и особенное в российской политической культуре

Описать общие черты российской политической культуры позволяют результаты проективного теста "Если бы президентом был я: важнейшие указы"³. Анализ полученных результатов позволяет выделить зону широкого общественного консенсуса — ряд приоритетных направлений называется всеми без исключения (или с отдельными исключениями) субкультурами. Эта зона консенсуса, обозначенная в **Приложении 2** как "партия Россия" позволяет описать *основу российского "общественного запроса" в целом*.

Анализ зоны "консенсусного запроса" позволяет сформулировать основные черты российской политической культуры.

1. *Эта культура носит отчетливый "государственный" характер*. Большая часть российского общества верит в "благотельность" государства и связывает с ним свои надежды на будущее. Государству и раньше приписывалась важная роль в экономическом развитии, и этот тренд только усилился в условиях экономического кризиса. Отсюда — разделяемое большинством желание национализации экономических активов: по минимуму — добывающих отраслей, т.к. богатства недр почитаются общенародным достоянием, которым "доверено" распоряжаться государству, но не частным компаниям, по максимуму — всей крупной промышленности. От государства ждут и активной и сильной оборонной политики, в т.ч. — развития оборонной промышленности, а также — обеспечения экономической независимости России. Такая "государственность" носит — в концептуальной терминологии "гражданской культуры" — преимущественно характер "подданнической культуры". Однако обратим внимание на то, что у разных субкультур присутствуют достаточно жесткие ограничители этой ценности — она отнюдь не безусловна, что указывает на наличие в ней и ориентации, свойственных "активистской культуре".

- Для "советских патерналистов" это государство остается "чужим". Поддерживая многие государственные начинания (попадающие в "зону консенсуса"), такие люди не чувствуют причастности государственной политики своему образу жизни.

- Еще в меньшей степени "государственность" присуща "либералам". Как ч показано в **Приложении 2**, это единственная группа, которая по ряду консенсусных для всех остальных субкультур позиций выпадает из мейнстрима. Для "либералов" нынешнее государство неприемлемо своей недостаточной демократичностью, что противоречит их основополагающей ценности — "свободе". А

³ Данная методика носит игровой характер, имитирующий выработку представителями суб культуры основных мер государственной политики. Эта методика позволяет эксплицировать и представить более выпукло воззрения респондентов, как бы принужденных к "проактивной" позиции по продвижению своей повестки дня.

такие требования как, например, активная демографическая политика, сокращение разрыва в доходах для этой субкультуры уходят на второй план, пока не решена задача "расширения пространства свободы".

• Для остальных субкультур характерно признание ценности государства и его в целом "благодетельного" характера, но, скорее, в идеале, а не в реальности. Обратим внимание, что значительная часть требований в "зоне консенсуса", по сути, требует "переопределения государства". Наиболее консенсусным требованием *всех* субкультур стало противодействие коррупции, на втором месте — требование де бюрократизации (сокращение числа чиновников, повышение исполняемости решений, ограничение материальных благ депутатов Думы и т.п.). Консенсусным является и набор требований по части общественных благ - бесплатного здравоохранения, образования, доступности жилья, активной демографической политики. Все это — очерченные обществом условия сохранения своей "государственнической установки".

Вывод: в российской политической культуре обозначился переход от "подданнической культуры" к "активистской". Этот "переход" уже не дано совершить тем, кто остался на позициях "советского традиционализма", и он давно завершён для "либералов". Остальная же часть общества (а это абсолютное большинство) уже формулирует требования к государству, соответствующему современной политической - гражданской - культуре, но предпочитает оставаться "ведомой" на этом переходе, доверяя ведущую роль государству. К нему либо обращаются с мягкими пожеланиями усовершенствования ("лоялисты"), либо подвергают более жесткой критике ("патерналисты" и "патриоты"). *В целом же с точки зрения политической культуры Россия остается переходным обществом.*

2. Если судить об установках на экономическое и общественно-политическое развитие, общество также остается переходным. В нем соседствуют установки на экономическую модернизацию (развитие современных отраслей экономики, обеспечение экономической независимости, порой инновационное развитие) и установки из советского прошлого — огосударствление экономики, высокая ценностная значимость сельского хозяйства и т.п. При этом такие "установки из прошлого" озвучиваются даже субкультурами, которые явно ориентированы на рыночную экономику и индивидуалистичное сознание ("патриоты", "лоялисты", отчасти — "патерналисты").

Такая "раздвоенность" объясняется, прежде всего, *трудным привыканием к рынку* — не только и не столько как к экономическому, сколько как к институциональному и политическому феномену. Пожалуй, самое тяжелое наследие советского прошлого — это то, что в Советском Союзе существовало общество продвинутой индустриальной фазы развития по всем параметрам (урбанизированность, образованность, структура занятости и т.п.), кроме одного важнейшего — отсутствия привычек и навыков, воспитываемых рынком, рационального расчета доходов и расходов, привычки делать ежедневный выбор, рисковать, конкурировать.

С одной стороны, рынок стал привычен, его достоинства и блага очевидны почти всем, требование о государственном поощрении и поддержке малого бизнеса носит консенсусный характер. Но, с другой стороны, психологически он некомфортен, поскольку большая часть общества не усвоила его навыки с детства. Поэтому и проявляется психологическое стремление как-то ограничить его стихию, свободу рук "крупного капитала", которому общество не доверяет (отсюда - требования национализации). Высокая значимость сельского хозяйства также объяснима: слишком низки доходы значительной части общества, слишком большая доля семейного бюджета тратится на еду и товары первой необходимости. Согласно исследованию агентства РОМИР [bmf б.г.], со второй половины

2008 г. россияне начали тратить на еду и товары повседневного спроса 75% своих доходов, но и в "докризисное" время эта доля составляла 65%, что больше похоже на структуру потребления развивающихся, а не развитых стран. Вкупе с инерцией советского прошлого (индустриализация + коллективизация) такая психологическая установка вполне понятна: слишком дорого дается среднему россиянину "хлеб насущный". Кризис лишь усугубил такую двойственность в установках.

3. В социальных установках политической культуры начался качественный сдвиг: *все большее число россиян под социальной справедливостью понимают не "уравниловку", а равенство возможностей и правовую защищенность.* Это — феномен последних нескольких лет, и он противоречив. Во-первых, сохраняются значительные "лакуны" уравнилельных настроений — у "традиционалистов" и "патерналистов". Во-вторых, при столь остром социальном расслоении большинству общества слишком трудно поверить в равенство возможностей. В-третьих, в качестве рецептов решения этой проблемы зачастую предлагается борьба не только с бедностью, но и с богатством: регулярно звучат требования "раскулачить" олигархов, раздать "природную ренту" (хотя эта идея уже не столь популярна, как пять-шесть лет назад). Даже требование пересмотра итогов приватизации ушло на задний план, но не исчезло совсем. Обратим внимание, даже сторонники "реквизиторских" мер предлагают "оставить олигархам "небольшие суммы" — в точности воспроизводится установка прогрессистского движения в США 20—30-х годах прошлого века — ограничить состояние пятью мил лионами (поскольку в рыночном обществе почти каждый надеется заработать пару миллионов). Так что и в социальных установках мы видим переходность социума, движущегося в сторону современного общественного строя.

4. Добавим к сказанному выше другие очевидные зоны консенсуса: это и одобрение внешней и оборонной политики, отстаивающей интересы России, и прагматичный подход к Западу - с известным подозрением в недоброжелательности (что отмечают даже "либералы" за пределами столицы), но с готовностью заимствовать у него лучшее, сотрудничать, не допускать острой конфронтации (может, за исключением "патриотов"), и высокую значимость семейных ценностей. Добавим и то, что в этом консенсусе присутствует "по умолчанию" преобладающий секулярный характер общества: во всем исследовании практически не встречалось обоснование мотивации позиций и ценностей религиозными максимумами. Это не значит, что религия не интересует россиян - просто она в гораздо меньшей степени актуализирована как источник норм и принципов повседневного поведения.

Общий вывод: *при всей неструктурированности общественно-политических воззрений, при всей переходности характера российской политической культуры, она отличается неантагонистичностью, высокой долей консенсусных установок.* "Традиционалистов" или "либералов", чьи установки отстоят от "мейнстрима" значительно дальше, чем все остальные, вряд ли можно считать "контркультурами". Во-первых, они невелики по размерам (а первая из них — очевидно, "уходящая"). Во-вторых, в их рядах почти нет настроения на "революционность" (среди всех респондентов были лишь отдельные радикальные призывы, не находившие поддержки даже среди "своих"). В-третьих, по многим "ценностным шкалам", как показано в последующих разделах настоящей работы, дистанция между этими субкультурами и их "соседями" по нишам (разумеется, разным) не столь велика. Наконец, в-четвертых, социально-политические последствия кризиса могут привести к напряженности социальной, но вряд ли ценностной. Напротив, мы видим стремление людей самых разных взглядов к сотрудничеству и взаимодействию на время трудностей.

Из этого следует, что *политическая культура современной России достаточно "кооперативно" и умеренна. Следовательно, нет никаких оснований для политической "эксклюзии" — ни одна из субкультур не настроена (и не имеет ресурса) на радикальную ломку сложившегося порядка.*

Правда, такой вывод не означает, что нынешнее состояние политической культуры сулит российскому обществу беспроblemное существование. Как показано на выше, средний россиянин смотрит не только "вперед" (условно — на модернизацию страны), но и "назад" - на общество без развитого рынка, без мощного частного бизнеса; сильны еще пережитки "уровниловки", по-прежнему доминирует "подданническая культура" и слишком слабы элементы "активистской культуры", которая объективно способствует формированию активной гражданской позиции. Кризис добавляет к перечню проблем еще одно тревожащее явление: снижение ценности толерантности, что чревато крайне опасными последствиями в условиях ожидаемого роста социальной напряженности.

Особенности субкультур

Лоялисты

Данная субкультура представляет собой конгломерат респондентов с самыми разными убеждениями и установками — конформистов, либералов, патерналистов, западников.

В рядах "лоялистов" присутствует значительное число людей с либеральным мышлением (как указано выше, 20% электората "Единой России" выступает именно за рыночное государство). Однако этот либерализм — "технократический". Он касается, прежде всего, экономической сферы (развития рыночных отношений в экономике) и "оптимизации" государства. Обратим внимание, что у "лоялистов" — в том числе и либеральных — практически отсутствуют установки, основанные на ценности "свободы". Это не означает, что они являются сторонниками авторитарного устройства. Однако "свобода" и все, что с ней связано — демократизация, права человека и т.д., в их "карте мира" явно уступает "государственности". Если государство принимает ся ими как "благодетельное" (пусть в идеале, а не сегодняшней реальности), то оно и обеспечивает какую-то степень свободы — куда большую, чем при советском строе, и гарантирующую от возврата к полному тоталитаризму, что, в общем и целом, устраивает либеральных представителей данной субкультуры.

Что же касается "патерналистской" составляющей данной субкультуры (напомним, 23% — за сильное социальное государство), то их отличие от "чистых патерналистов" состоит, в первую очередь, в том, что они психологически настроены на поддержку и сотрудничество с властью, а не на требовательность и критичность по отношению к ней.

Люди, не интересующиеся политикой — также неоднородная среда. Среди них есть и такие, которых "все устраивает", и, как показало одно из предыдущих исследований Центра политических технологий, люди авторитарного склада, для которых власть сама по себе сакральна (а потому не встает вопрос, за кого голосовать), и они считают политическую конкуренцию вредной [Демократия... 2008: 62-63].

Итак, этот конгломерат удерживается главной общей ценностью "благодетельного государства". Эта ценность совмещает в себе установки "подданнической культуры" и "активистской культуры", но во

всей массе лоялистов первая, пожалуй, сильнее последней. Различия в приоритетности "рынка" или "социальной справедливости" значимы, но не носят антагонистического характера, поскольку и рыночные, и социальные ценности присущи в разной степени большинству "лоялистов". Однако очевидно, что эти ценности все же существенно различаются. Вместе их удерживает лишь характер "Единой России" как широкой коалиции. *Эволюция по пути конвергенции или размежевания ценностей внутри "лоялистской" субкультуры предстает самым важным предметом научного внимания и анализа в будущем.*

Патриоты

"Патриоты" также представляют собой достаточно сложный конгломерат. Меньшинство московских "патриотов" имеет либеральные установки, часть близка к группе "советской", а точнее "сталинской". Их главная отличительная черта — националистические установки. Казалось бы, эти установки относительно слабы: лишь 18% избирателей ЛДПР выбрало в описанном выше исследовании ВЦИОМ откровенно националистическую установку; среди "неконсенсусных" приоритетных мер они называют лишь "воспитание патриотических ценностей". Но за этими внешне "умеренными" проявлениями стоит человек с ущемленным чувством собственного достоинства, склонный искать виноватого во "враге внешнем" (самая антизападная позиция) или "враге внутреннем" — будь то мигрант иной национальности или соотечественник, не готовый "драться за русских", интересы которых большинство "патриотов" считает ущемленными.

Такая ущемленность, как всегда и везде, находит выражение в национализме, но корни имеет в социальной природе страты. "Патриоты" — чаще всего убежденные "рыночники" и индивидуалисты, а часть из них — люди с откровенно авторитарным складом мышления, которым хочется "отнять" деньги у олигархов, а не обложить их высоким налогом, "казнить", а не "посадить", "заставить" любить Родину. Принимая рынок, они не удовлетворены своим статусом в нем, а потому требуют более равных условий для предпринимательства, а разочаровавшись в своих надеждах — и "большей свободы". Они одновременно хотят национализации крупной промышленности (естественная негативная установка мелкого предпринимателя против крупного) и ограничения государственного вмешательства. Авторитарная установка у них — от "подданнической культуры", но ощущение ущемленности своих интересов, требование экономической, а порой и политической свободы — признак появления и в этой среде элементов "активистской культуры".

Подобная "мелкобуржуазность" правого толка — естественная субкультура любого рыночного, особенно переходного общества. "Зараженность" этой среды национализмом также скорее правило, чем исключение. Однако слабость данной субкультуры в том, что удерживает их вместе даже не партия, а личность В.Жириновского, и пути эволюции данной субкультуры в случае ухода лидера с политической арены практически непредсказуемы.

Либералы

Напомним, что в нашей классификации к этой субкультуре отнесены не все люди либеральных взглядов, а лишь те, для кого ценность "свободы" является доминирующей. Несоответствие нынешнего государственного строя и практик их представлениям о "свободе" порождает у них глубокую фрустрацию. Отсюда подробный перечень реформ политической системы (в частности, ее электоральной составляющей). Отсюда же максимально негативная установка на государство, которому либералы де-факто отказывают в способности к проведению модернизационных реформ. Либералы — единственные, кто требует не национализации, а дальнейшей приватизации экономической сферы. Как показано ниже, набор ценностных ориентации у представителей этой субкультуры достаточно близок к "классической" (западной) трактовке либеральной идеологии. Поэтому еще одна уникальная черта либералов — сохраняющаяся установка на заимствование у Запада не просто "отдельных полезных вещей", а систем ценностей и институтов.

Такая характеристика, по сути, опровергает расхожее мнение о сегодняшних либералах как "рудиментах" советской интеллигенции, вечно оппозиционному государству и ценящей свободу своей личности (при этом "страшно далекой от народа"). Либералы — явное меньшинство, причем, как свидетельствуют социологические опросы последних лет, далеко не все люди, допускающие для себя голосование за либеральные партии (14% — согласно опросу ВЦИОМ по поводу образования "Правого дела", 8% помнящих, что когда-то голосовали за "Яблоко") [Правое дело... 2008; "Яблоко"... 2008] ныне готовы голосовать за существующие либеральные партии; разумеется, среди них есть и "советские интеллигенты", но в любом случае либерализм тех, кто продолжает считать ценность свободы главным мотивом своего политического выбора, вполне цельный, современный, во многом похожий на свои западные аналоги и ближе остальных субкультур приблизившийся к "активистской культуре".

Патерналисты

Очевидно, что патерналистские настроения распространены в обществе весьма широко, во всяком случае, гораздо шире, чем настроения электората "Справедливой России". Когорта из 23% "единороссов",

избравших в качестве "самохарактеристики" сильное и социально ориентированное государство, количественно превышает весь "эсеровский" электорат.

Отличие же патерналистов, голосующих за "Справедливую Россию", — ощущение ими нехватки заботы государства. Они не уверены в себе, своих силах. Голосование за КПРФ считают для себя неприемлемым в связи с тем, что воспринимают ее как "партию вчерашнего дня", которая не реагирует на требования современности.

Вместе с тем эта субкультура достаточно консервативна:

- По мнению многих респондентов-"эсеров", в коммунистических идеях было много "полезного", к которому нужно было *"добавить свободы"*;

- Именно в этом электорате (и только в нем) отмечается значимое (11%) число людей, выступающих за возрождение страны на основе православия и дореволюционных традиций.

Итак, этот электорат отличается значительным "багажом прошлого", что влечет за собой наибольшую (кроме избирателей КПРФ) неуверенность в реалиях рынка. Они менее статусны, чаще менее зажиточны. Все это — неполный список причин, по которым такие граждане не считают возможным поддержать "Единую Россию" — у них слишком много обид или претензий к власти. В сторону компартии может эволюционировать только часть из них: пожилые люди, которым "Справедливая Россия" покажется недостаточно оппозиционной. С "партаей власти" же возможен "двусторонний обмен". Как уже указывалось, главное различие между патерналистами, голосующими за эти партии — психологическая установка на сотрудничество с властью или протест против нее, а эта установка может меняться в зависимости от жизненных обстоятельств.

"Патерналисты", равно как и описанная ниже субкультура "советских традиционалистов", практически в чистом виде являются носителями "подданнической культуры".

Советские традиционалисты

Установки данной субкультуры наиболее понятны для интерпретаций. Все, что делается "не как в Советском Союзе", для нее заведомо хуже, вынуждено и, как надеются в глубине души многие из таких людей, преходяще. Они могут приветствовать отдельные действия государства (когда оно предстает сильным, "имперским", управляющим "твердой рукой"), но характер его легитимации, рыночность (подразумевающая наличие "буржуев"), допущение морально-нравственного плюрализма — для них неприемлемо.

Сдвиги в этой субкультуре (например, допущение не только советской, но и китайской модели социализма с рыночным элементом) действительно происходят, но лишь потому, что "китайского социализма" эти люди на самом деле не знают; рынок для них допустим лишь как малый бизнес в торговле или сфере услуг.

Тревожный симптом в этой субкультуре — размывание понятия толерантности к иным национальностям. Коммунистическая субкультура по своей природе не толерантна к иным идеологиям или образам жизни, но до последнего времени большинство ее сторонников сохраняли советскую установку на "интернационализм". Однако экономический кризис побудил их к поискам "врага", каковой нашелся не только в образе "враждебного Запада", но и мигрантов.

ВОДОРАЗДЕЛЫ И ДИСТАНЦИИ МЕЖДУ СУБКУЛЬТУРАМИ

Очевидный вывод по итогам сопоставления позиций субкультур: былая "биполярность" российской политики, противостояние "партии реформ" и "партии реставрации" — дело прошлого. Вместе с тем, водоразделы между субкультурами сохраняются, остаются достаточно глубокими и носят долгосрочный характер. Они обусловлены разными соотношениями "подданнической" и "активистской" культур в различных когортах.

С конца 1980-х по конец 1990-х общество поляризовало противостояние по осям "рынка" и "свободы", которые зачастую паковались понятием "Запад". Последовательные сторонники и противники обеих "знаковых ценностей" никогда не составляли большинства населения, но все, кто не мог четко позиционировать себя в этом противостоянии, не имели и четкой системы политических ориентации. Смягчение этой биполярности — функция утверждения в российском обществе этих ценностей, в первую очередь, рынка.

Рынок — повторимся, как не экономический, а скорее как институциональный и политический феномен — утвердился и стал привычен. Не приняты его (или приняли с большими издержками) лишь "традиционалисты". Остальные субкультуры воспринимают рынок с существенными оговорками: для "либералов" он слишком монополизирован, забюрократизирован и подконтролен государству, для патерналистов — некомфортен своей высокой степенью риска, элементом непредсказуемости, для "патриотов" — недостаточно свободен, для лоялистов — плохо управляем и потому не заслуживает доверия (отсюда установка на деприватизацию стратегических активов), и для всех — рынок заражен

коррупцией. Несмотря на это рынок для всех, кроме традиционалистов является легитимной и неременной частью сегодняшней действительности, которой надо руководствоваться.

Рынок определяет не только экономические отношения, но морально-нравственные: огромная часть респондентов по "моральности", да и по патриотизму ставит высшие баллы "традиционалистам". Их нравственные и патриотические убеждения, по мнению многих, сильнее, потому что не искажены "корыстным измерением", а потому более искренни.

Более сложный вопрос — как рыночные институты меняют отношение к государству. В дихотомическом вопросе о роли государства в экономике большинство "традиционалистов" (87%) и "патерналистов" (62%) допускают частную собственность лишь в малом бизнесе, "либералы" (71%) выступают за частную инициативу, а "лоялисты" и "патриоты" делятся между двумя позициями почти поровну; в социальной политике большинство (кроме "традиционалистов") — за адресную поддержку социально уязвимых слоев, а не "уравниловку". Поддержка рынка влияет на социально-экономические воззрения, но весьма неравномерно.

Таким образом, в российском обществе продолжает сохраняться синдром "жены Лота" (по выражению А. Тойнби) — желание оглянуться назад на уже погибший родной город, из которого пришлось бежать не оглядываясь. Отсюда и сохранение старых ("дореволюционных") стереотипов о содержании понятий морали и патриотизма, недоверие к крупному частному предпринимательству, рудименты уравниловки. Но, похоже, Рубикон уже перейден.

"Западничество" и "славянофильство" — в корректных научных описаниях этих идейных течений — уже давно утратили смысл, хотя долгое время про должали выступать маркерами отношения к Западу и утверждения самобытности России и ее общественно-политического развития. Сегодня "чистое" западничество остается уделом немногочисленной когорты "либералов", "славянофильство" же, при кажущейся популярности и распространенности, качественно изменилось. В нем нет не только православия и "русского служения" как фундаментальной идеи, но и сакральное™ государства.

Сложнее обстоит дело с отношением к другой некогда поляризующей ценности — свободе. Вопреки широко распространенным стереотипам, в дихотомном вопросе мнения о предпочтительности свободы или порядка разделились практически поровну, даже с небольшим перевесом "свободы". За "порядок" высказались лишь "традиционалисты" (54%), однозначно за "свободу" (81%) — "либералы". Другое дело, что все материалы исследования показывают неоднозначность трактовки этого понятия. У "либералов" оно близко к западному, "лоялисты" в целом удовлетворены степенью свободы, существующей сейчас. У "патриотов" и "патерналистов" — свобода, это, по сути, "антибюрократический запрос".

По всем параметрам антагонизм между субкультурами проявляется только на полюсах: "традиционалисты" и "либералы" чаще всего оказываются на краю или вне широкого консенсуса. Возвращаясь к понятийному аппарату "подданнической" и "активистской" культуры, их можно считать практически чистыми типами этих культур. У остальных же элементы той и другой культуры смешаны, причем в разных пропорциях. "Патриоты" и "патерналисты" сохраняют по всей видимости большую долю "подданнической" культуры, но оппозиционность власти (пусть и умеренная) стимулирует у них гражданские установки на расширение политического участия и большую требовательность к государству. У "лоялистов" сильнее вера в "благодетельное государство", но наличие среди них ошутимого либерального ядра ограничивает "подданничество".

Сосуществование в одном обществе "подданнической" и "активистской" культур, согласно мнению авторов этой концепции, может породить политико-культурный тупик, синдром "с компонентами идеалистических устремлений и отчуждения от политической системы, в т.ч. — структуры партий, групп интересов и прессы" [Almond, Verba 1965: 25] - признаки такого синдрома в российском обществе сегодня видны невооруженным глазом.

Представляется, что мы получили характеристику именно такого сложного сочетания политических субкультур России. Динамика их развития, как и политической культуры России в целом, просматривается достаточно отчетливо. Процессы ее становления идут, и, при всей своей специфике, следуют закономерностям, отмеченным исследователями политических культур в других странах.

ВЦИОМ. 2009. Пресс-выпуск N9147 от 3.02. - wciom.ru/novosti/press-vypu-ski/press-vypusk.

Демократия: развитие российской модели. 2008. Под ред. И.Ю.Юргенса. М.: Экон-Информ.

Кутковец Г., Клямкин И. 1997. *Русские идеи.* М., Институт социологического анализа, янв.-фев.

Лейпхарт А. 1997. *Демократия в многосоставных обществах.* М.: Аспект-пресс. *Правое дело и его политические перспективы.* 2008. — ВЦИОМ. Пресс-выпуск, №109 от 3.12.

Путеводитель по выборам: политическая Россия. 2007. М.: ВЦИОМ. *Рабочий класс в странах Западной Европы. К изучению социальных основ политического поведения.* 1982. Под ред. А.А.Галкина. М.: Наука.

Салмин А. 1984. *Промышленные рабочие Франции. К изучению сдвигов в политическом поведении.*

М.: Наука.

Тилли Ч. 2007. *Демократия*. М.: Институт общественного проектирования.

Туровский Р.Ф. 1998. *Культурные ландшафты России*. М.: Институт наследия.

Туровский Р.Ф. 1996. Политическое расслоение российских регионов (история и факторы формирования). — *Партийно-политические элиты и электоральные процессы в России. Круглый стол бизнеса России*. Аналитические обозрения Центра комплексных социальных исследований и маркетинга. Серия: политология, вып. 3(17).

Хантингтон С. 2004. *Политический порядок в меняющихся обществах*. М: Прогресс-традиция.

"Яблоко" без Явлинского: есть ли перспективы? 2008. - ВЦИОМ. Пресс-выпуск, № 996, 4.07. - wciom.m/arkhiv/ternaticheskii-arkhiv/item/single/10352.html

Almond G., Verba S. 1965. *The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nation*. Boston: Little, Brown and Company.

Bfm.ru/news/2009/02/19/tri-chetverti-dohodov-rossijan-uhodjat-na-edu.html. Deutsch K.W. 1961. Social Mobilization and Political Development. - *The American Political Science Review*, vol. 55, № 3 (Sept.).

Duverger M. 1973. *Sociologie de la politique. Elements de science politique*. P.: Presses univ. de la France.

Greiffenhagen M., Greiffenhagen S. 1979. *Ein schwieriges Vaterland: Zur politischen Kultur Deutschlands*. 2.Aufl. München: List.

Kavanagh D. 1972. *Political Culture*. L.: Macmillan.

Michelat G., Simon M. 1977. *Classe, religion et comportement politique*. P.

Parsons T., Shils E. 1951. *Towards a General Theory of Actions*. Harvard University Press, Cambridge, Mass.

Pye L. 1965. Introduction. — *Political Culture and Political Development*. Princeton: Princeton University Press.

Rosenbaum W. 1975. *Political Culture*. N.Y.: Praeger.

Приложение 1

Общие характеристики субкультур

Субкультура	Социальное самочувствие и оценка ситуации в России
Либералы	Негативное (независимо от кризиса)
Лоялисты	Умеренно негативное
Патерналисты	Негативное
Патриоты	Преимущественно негативное
Традиционалисты	Негативное (независимо от кризиса)
Оценка ситуации во внешней политике	
Либералы	Москвичи — негативная оценка, в регионах — мнения различны
Лоялисты	Преимущественно позитивная
Патерналисты	Преимущественно позитивная
Патриоты	Преимущественно позитивная, с тенденцией к ухудшению
Традиционалисты	Преимущественно негативная
Кто виноват	
Либералы	Политическая система
Лоялисты	Как мировой кризис, так и просчеты в экономической политике
Патерналисты	Мировой кризис и олигархические интересы
Патриоты	Преимущественно внешние силы и мировой кризис, но и недоработки во внутренней политике
Традиционалисты	Развал страны олигархической верхушкой + внешние силы
Прогноз	
Либералы	Преимущественно негативный
Лоялисты	Мнения разделились - от ожиданий дефолта до подъема страны в ближайшей перспективе
Патерналисты	Негативный
Патриоты	На ближайшие пять лет однозначно негативный
Традиционалисты	Негативный
Образ "успешной" России	

Либералы	Экономические и политические свободы, развитие конкурентоспособной экономики. Москвичи - экономическое и политическое сотрудничество со странами Запада, в регионах - акцент на учете странами Запада интересов России.	
Лоялисты	Внешнеполитическое усиление, экономическая независимость от других стран	
Патерналисты	Повышение социальной защищенности. Россия без "очень богатых" и "очень бедных".	
Патриоты	Независимость от Запада, усиление в военно-техническом отношении, повышение уровня доходов россиян.	
Традиционалисты	Госмонополия на ресурсы, доходы от эксплуатации недр - на благо народу. Дистанцирование государства от западных ценностей. "От каждого по способностям, каждому по труду".	
Социальная справедливость		
Либералы	Социальная справедливость важна, но как необходимая составляющая рыночной экономики. Понимается как равные стартовые возможности.	
Лоялисты	Понимание как равных стартовых возможностей. Существенно реже - как отсутствие резкой разницы в доходах.	
Патерналисты	Наиболее значимая ценность. Понимается и как равные возможности, и как отсутствие резкого расслоения. В методах выравнивания ориентироваться на скандинавские страны.	
Патриоты	Понимание как равных стартовых возможностей. Тема изъятия сверхдоходов в пользу государства не пользуется популярностью.	
Традиционалисты	Не должно быть резкого расслоения в доходах. Понимание имеет оттенок "уравниловки", потому что мало учитывает рыночную стоимость труда. Ориентир - советское общество.	
Нравственность и семья		
Либералы	Нравственность значима как отсутствие лицемерия (перед собой и другими), уважение других людей, их свобод и мнений	
Лоялисты	Первостепенные ценности. Общество устало от неправильных паттернов поведения, рекламируемых в СМИ. В условиях кризиса запрос на нравственность и семью косвенно свидетельствует о росте потребности в стабильности и защищенности.	
Патерналисты		
Патриоты		
Традиционалисты	Высокая значимость. Нравственность понимается как примат общественных ценностей над личными.	
Патриотизм		
Либералы	Понимается как любовь к родине, а не как пропагандируемая любовь к государству.	
Лоялисты	Значимая ценность.	Необходимость повышения жизненного уровня как одного из условий формирования.
Патерналисты	Переживают недостаточно	Необходимость усиления законности, повышение социальной защищенности.
Патриоты	сть патриотизма по	Имеет место "мобилизационный" оттенок патриотизма и представление о низкой сплоченности русской нации.
Традиционалисты	сравнению с советским периодом.	
Свобода		
Либералы	Основная, базовая ценность.	

Лоялисты	России не нужно столько свободы, сколько есть в Западной Европе, иначе она потеряет управляемость.
Патерналисты	Свобода ограничена материальными возможностями и чувством социальной незащищенности.
Патриоты	Понимание близко к "либералам". В России нехватка политических и экономических свобод, что явно препятствует нормальному развитию России.
Традиционалисты	Свобода тождественна социальной защищенности. В России отсутствует, подменена вседозволенностью.
Терпимость к другим	
Либералы	Воспринимается как значимая ценность, практически отсутствующая в российском обществе
Лоялисты	Декларируя значимость данной ценности, реагируют на кризис существенным снижением собственной терпимости к приезжим. Патерналисты также требуют от государства повышенной заботы о своих гражданах.
Патерналисты	Не является ценностью. Характерологическая особенность русской нации, создающая ей проблемы.
Патриоты	Не является ценностью, порождает вседозволенность.
Традиционалисты	Терпимость к другим
Рынок	
Либералы	Вмешательство государства в рыночные отношения должно быть минимально
Лоялисты	Снижение ценности рынка на фоне кризиса. Не мысля возвращения к плановой экономике, приветствуют усиление роли государства.
Патерналисты	Явное стремление к дирижизму — нужны более жесткие меры государственного регулирования. Не мыслят возвращения к плановой экономике.
Патриоты	Вмешательство государства в рыночные отношения должно быть минимальным.
Традиционалисты	"Мягко-социалистические" взгляды на экономику. Использование планирования в экономике, при его совмещении с рыночными отношениями.
Запад	
Либералы	Либералы в европейской части - ориентация на западные ценности, западную цивилизационную модель. Либералы на востоке страны — у России — особый путь.
Лоялисты	Россия должна следовать своим путем, заимствуя у Запада достижения, а в политике и экономике жестко отстаивать собственные интересы
Патерналисты	
Патриоты	Россия должна следовать своим путем, избирательно заимствуя опыт Запада. Во внешнеполитическом аспекте Запад имеет образ врага, вокруг которого консолидируется русская нация.
Традиционалисты	Россия должна следовать своим путем, ни у кого ничего не заимствуя. Образ Запада как внешнего (и внутреннего) врага.
Отношение к власти	
Либералы	Мягкая оппозиционность
Лоялисты	Максимальная лояльность
Патерналисты	Высокая лояльность
Патриоты	В целом лояльны
Традиционалисты	Оппозиционность

Общественный запрос: общее и особенное

Лоялисты ("Единая Россия")
— повышение роли государства в экономике;
— укрепление властной вертикали, повышение контроля за исполнением решений;
— инновационное развитие
Советские традиционалисты (КПРФ)
— национализация добывающей промышленности;
— природная рента;
— пересмотр итогов приватизации, ренационализация
— отмена продажи земли;
— монополия на алкоголь;
— контроль над ценами (в т.ч. — недвижимость);
— демократизация выборов;
— смена "команды у власти";
— закрытие игорного бизнеса;
— повышение дееспособности судебной системы;
— восстановление смертной казни
Либералы ("Яблоко", "Правое дело")
— приватизация промышленности;
— уменьшение налогового бремени для производителей;
— пересмотр итогов приватизации: СПС — против, "Яблоко" — за;
— поощрение конкуренции, антимонопольное регулирование;
— расширение политических свобод (либерализация законодательства о выборах, возврат к 4-летнему сроку президентства, освобождение политзаключенных);
— судебная реформа, укрепление правового государства;
— военная реформа;
— развитие сотрудничества с Западом, неконфронтационная внешняя политика
Патерналисты ("Справедливая Россия")
— укрепление властной вертикали, повышение контроля за исполнением решений;
— закрытие игорного бизнеса;
— социальная помощь уязвимым слоям населения
Патриоты (ЛДПР)
— воспитание патриотических ценностей;
— монополия на алкоголь;
— восстановление смертной казни
"Партия Россия" (зона консенсуса)
<i>Полный консенсус</i>
— Борьба с коррупцией
— уменьшение числа чиновников, антибюрократические меры;
— развитие здравоохранения и образования (с акцентом на бесплатность)
— развитие современной экономики, повышение экономической независимости;
— поддержка сельского хозяйства;
— решение проблемы доступности жилья;
— поддержка и развитие малого бизнеса
<i>Близкий к полному консенсус (кроме либералов)</i>
— Активная демографическая политика;
— Сокращение неравенства доходов (повышение доходов бедных + ограничение доходов богатых, в т.ч. — через прогрессивное налогообложение);
— национализация сырьевых отраслей и крупной промышленности;
— укрепление вооруженных сил, развитие военной промышленности)